

характеристику», “……的” «может...» и так далее. Например, «ценность (от ценный)» переводится на китайский язык как «价值 (有价值的)»; «самокупаемость (от самокупаемости)» переводится на китайский язык как «自给自足 (能自给自足的)».

Подводя итог, можно сказать, что разница между китайским и русским переводом экономических терминов в основном заключается в двух аспектах. Во-первых, этимология двух языковых семей различна: русские термины относятся к славянской языковой семье, а китайские относятся к сино-тибетской языковой семье, и многие слова в них сохраняют свои древние значения. Когда два языка выражают явление, они оба имеют тенденцию использовать свои собственные оригинальные термины или трансформироваться в соответствии с существующими терминами, чтобы облегчить понимание их собственными людьми; и изменение их соответствующих терминов увеличивает разницу в переводе. Во-вторых, культурные различия: выражение одного и того же явления в разных языках обусловлено различным культурным кодом, поэтому в разных контекстах для одного русского слова могут использоваться различные китайские соответствия.

Список использованных источников

1. Нечай, Ю. П. Формирование экономической терминологии в лексической системе современного русского языка / Ю. П. Нечай, Т. С. Кондратьева // Вестник АГУ. Вып. 4 (149). – 2014. – С. 58–64.

УДК 811.161.1'42

Чжан Цимин, Будько И. В.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ *НАКАЗАНИЕ* В ПРОИЗВЕДЕНИИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО»

*Научный руководитель: канд. филол. наук, доцент Будько И. В.
Центр исследования белорусской культуры, языка, литературы
НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь*

Лексико-семантическое поле является структурной языковой категорией, благодаря которой языковые единицы изучаются не статически и изолированно, а во взаимосвязи синтагматических и парадигматических

аспектов как единое целое. Априори считается, что во всех языках лексико-семантические поля имеют схожую структуру и являются незамкнутой, подвижной, меняющейся со временем системой.

Языковой аспект формирования личности отражает сферу восприятия и усвоения ребенком заданных родителями, преподавателями и воспитателями парадигм, выражаемых языковыми средствами. Традиционное выражение похвалы и наказания, стимулирования развития личности ребенка, формирование отношения к добру и злу опирается на богатый лингвокультурный фон и представляет собой интересный материал для исследования в сопоставительном аспекте. Любой объект действительности целесообразнее изучать на контрастах, в противопоставлении, что позволяет наиболее полно выразить понятие и логико-смысловые связи между языковыми элементами, выражающими данное понятие в речи. Под лексико-семантическим полем, согласно И. М. Кобозевой, мы понимаем «совокупность языковых, главным образом, лексических единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное, и функциональное сходство обозначаемых явлений» [1, с. 99]. В данном сообщении нас будут интересовать языковые единицы, выражающие ЛСП *наказание* в произведении Л. Н. Толстого «Детство».

Из лексем, отражающих в своей семантике значение *наказание*, можно отметить следующие: *дряной* (в сочетании *дряной мальчишка*), *дикий*, *негодный*, *плакса*, *негодник* и др.:

Дрянной мальчишка, не забывай мать... вот тебе за это!»

Я вам сказал, что ты негодный мальчишка, – злобно выговорил Иленька

Иленька больше ничего как плакса.

...мальчиков давно пора было прислать сюда, чтобы они могли чему-нибудь учиться и привыкать к свету; а то какое же им могли дать воспитание в деревне?.. ведь старшему скоро тринадцать лет, а другому одиннадцать... Вы заметили, топс cousin, они здесь совершенно как дикие... в комнату войти не умеют.

Особенностью выражения наказания в адрес ребенка в данном произведении является то, что, как и было принято в дворянских семьях, критика была очень мягкой, в форме намека:

Будет вам, Владимир Петрович, извольте умываться.

В дворянских семьях отец был несколько отстранен от детей, поэтому в их сознании часто являлся богоподобным существом, поэтому одновременно ребенок боялся отца и поклонялся ему, решения отца не

оспаривались и не обсуждались [2]. Подобную ситуацию прекрасно иллюстрируют следующие строки «Детства»:

Должно быть, заметив, что я прочел то, чего мне знать не нужно, папа положил мне руку на плечо и легким движением показал направление прочь от стола. Я не понял, ласка ли это или замечание, на всякий же случай поцеловал большую жилистую руку, которая лежала на моем плече...

Отдельные дискуссии главных героев повести были посвящены возможности физического наказания детей в дворянских семьях. Следует отметить, что физическое наказание в дворянских семьях в XIX веке практиковалось повсеместно; о телесном наказании пишут в своих воспоминаниях Л. Н. Энгельгардт, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, отнюдь не считая это чем-либо из ряда вон выдающимся и используя данный метод воспитания и в отношении к собственным детям. Однако уже в середине века появляется другой, альтернативный взгляд на данную проблему. В своей статье «Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии детей?» Н. И. Пирогов остро ставит вопрос о целесообразности и эффективности телесных наказаний детей и о том, что, собственно, зачастую эффект от телесных наказаний получается обратным намерениям родителей и воспитателей: «Итак розга - слишком грубый и насильственный инструмент для возбуждения стыда. А чувство стыда - это такой нежный, оранжерейный цветок, который разом завянет, когда побывает в грубых руках. Розга вселяет страх, - это правда, - но не исправительный, не надежный, а прикрывающий только внутреннюю порчу. Она исправляет только слабодушного, которого бы исправили и другие средства, менее опасные» [3, с.76]. Данная проблема отражена и в анализируемом произведении Л. Н. Толстого, сопровождаясь лексемами *бить, наказывать розгами, сечь розгами, действовать страхом, бояться*:

Разве вы бьете своих детей, моя милая? – спросила бабушка, значительно поднимая брови и делая особенное ударение на слово бьете. – Ах, tabonnetante, – кинув быстрый взгляд на папа, добреньким голоском отвечала княгиня, – я знаю, какого вы мнения на этот счет; но позвольте мне в этом одном с вами не согласиться: сколько я ни думала, сколько ни читала, ни советовалась об этом предмете, все-таки опыт привел меня к тому, что я убедилась в необходимости действовать на детей страхом. Чтобы что-нибудь сделать из ребенка, нужен страх... не так ли, toncousin? А чего, jevousdemandeunpeu, дети боятся больше, чем розги?

Этьен был мальчик лет пятнадцати, высокий, мясистый, с испитой физиономией, впальмы, посинелыми внизу глазами и с огромными по летам руками и ногами; он был неуклюж, имел голос неприятный и неровный, но казался очень довольным собою и был точно таким, каким мог быть, по моим понятиям, мальчик, которого секут розгами.

С детства в дворянских семьях прививали детям чувство собственного достоинства, используя целую систему средств, часто не связанных между собой. Очень важным орудием становилось слово, при помощи которого можно было наказывать, увещавать ребенка.

Отдельные синтаксические конструкции также используются для пристыжения, наказания детей. Это могут быть восклицательные предложения, выражающие негодование, предложения с корневыми модальными словами, выражающие недовольство, критику и под. (типа *пренебрежение, стыдиться, стыдно, покраснеть, насмехать* (отсюда *насмешник*):

Замолчишь ли ты! – крикнул молодой князь, побледнев от злости. – *Вот я все это скажу.* – *Все скажу, все скажу!* – проговорил лакей. – *Нехорошо, ваше сиятельство!* – прибавил он особенно выразительно в то время, как мы входили в залу...

Хотя она употребляла вы и ты наоборот общепринятому обычаю, в ее устах эти оттенки принимали совсем другое значение. Когда молодой князь подошел к ней, она сказала ему несколько слов, называя его вы, и взглянула на него с выражением такого пренебрежения, что, если бы я был на его месте, я растерялся бы совершенно...

«Господи! за что ты наказываешь меня так ужасно!» Все презирают меня и всегда будут презирать... мне закрыта дорога ко всему: к дружбе, любви, почестям... все пропало! Зачем Володя делал мне знаки, которые все видели и которые не могли помочь мне? зачем эта противная княжна так посмотрела на мои ноги? зачем Сонечка... она милочка; но зачем она улыбалась в это время? зачем папа покраснел и схватил меня за руку? Неужели даже ему было стыдно за меня? О, это ужасно! Вот будь тут мамаша, она не покраснела бы за своего Николеньку...

«Я знаю, какой папа насмешник: если сделать хоть одну ошибочку, он всем покажет».

Таким образом, для выражения ЛСП *наказание* в произведении Л. Н. Толстого «Детство» встречаются лексические единицы, семантический объем которых полностью отражает данную понятийную сферу, слова, входящие в нее только одним или несколькими элементами значения, лексемы, характеризующие душевное состояние ребенка, на которого направлены карательные методы воспитания, а также синтаксические конструкции, выражающие недовольство, критику в адрес ребенка.

Список использованных источников

1. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Ком-Книга, 2000. – 352 с.

2. Принципы воспитания русского дворянства в XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://davydov-index.livejournal.com/1876444.html>. - Дата доступа: 18.06.2022.

3. Пирогов, Н. И. Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии детей? / Н. И. Пирогов // Собрание литературных статей Н. И. Пирогова / Издание редакторов «Одесского вестника» А. Богдановского и А. Георгиевского. - Одесса: [Одесская городская типография], 1858. – С. 74-81.

УДК 811.161.1'42

Чжан Цимин, Будько И. В.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ *ПОХВАЛА* В ПРОИЗВЕДЕНИИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО»

*Научный руководитель: канд. филол. наук, доцент Будько И. В.
Центр исследования белорусской культуры, языка, литературы
НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь*

Теория поля в лингвистике тесно связана с понятием системности в языке. Лексика, как известно, представляет собой открытую, незамкнутую систему (по Д. С. Шмелеву), поэтому и характеризующими признаками лексико-семантического поля выступают, с одной стороны, взаимообусловленные связи между составляющими поле компонентами, а с другой стороны, определенного рода размытость границ и открытость поля для вхождения в него других компонентов. По Кузнецову, лексико-семантическое поле представляет собой «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначающих явлений» [2, с. 380]. В истории лингвистических учений в последние десятилетия все чаще обращаются к полемому принципу описания лексики, поскольку он позволяет более глубоко проанализировать понятийную сферу, а не сосредотачиваться только на описании отдельных структурных элементов языковой системы. По словам Л. М. Васильева, «поскольку главная задача современных семантических исследований – изучение состава и структуры различных семантических полей, имеющих, несмотря на все трудности их практического выделения, психологическую и лингвистическую реальность, анализ языкового содержимого методом поля является, видимо, наиболее эффективным и перспективным» [3, с. 96].

В выделении лексико-семантического поля практически все исследователи солидарны в том, что поле – это, прежде всего, множество